

О.В. Тихонова (Санкт-Петербург, Россия)

Романсизмы в структуре мувашшаха и заджаля¹

Аннотация: Сохранилось немного источников на мосарабском диалекте, важном для изучения раннего периода истории испанского языка (и других романских языков Иберийского полуострова). Романсизмы (слова на мосарабском диалекте) встречаются в арабских стихах, написанных в мусульманской Испании (аль-Андалусе). В аль-Андалусе были созданы стихотворные формы, неизвестные арабскому стихосложению: мувашшах и заджаль. В мувашшахах слова на романском встречаются в последнем двустиишии, называемом харджей, и выполняют структурообразующую функцию. В заджалях (развившихся из мувашшаха), романсизмы встречаются по всему тексту и выполняют стилистическую функцию.

Ключевые слова: харджи, мувашшах, заджаль, Ибн Кузман, мосарабский диалект, история испанского языка

O.V. Tikhonova (St. Petersburg, Russia)

Romanceisms in the structure of Muwashshah and Zajal

Abstract: Muwashshah and Zajal are important sources on the Mozarabic historical dialect. These poetic forms, unknown to classical Arabic versification, were created in Muslim Spain (al-Andalus). They often contain Romance words written in Arabic script (in Alhamiado). Many muwashshahs end with harjs (couplets) in the Romance language. In zajals, there are also not only individual Roman words, but also entire lines in Roman. The most famous writer of zajals is the Arab poet from Cordoba origin Ibn Kuzman (c. 1080–1160). In muwashshahs, words in Romance are found in the last couplet, called kharja, and perform a structure-forming function. In zajals (developed from muwashshah), romanticisms are found throughout the text and perform a stylistic function.

Key words: Kharji, Muwashshah, Zajal, Ibn Kuzman, Mozarabic dialect, history of the Spanish language

¹ Статья основана на тексте доклада «Романсизмы в структуре заджаля в диване Ибн Кузмана», сделанного на XI международной научной конференции «Романские языки и культуры: от античности до современности» (Филологический факультет МГУ, 25–27 ноября 2021 г.).

Tant' amáre, tant' amáre, * habib, tant' amáre
 enfermaron welyoš gayos * é dolen tan male.

Харджа из мувашшаха 18¹

МУВАШШАХ – НОВЫЙ ЖАНР АРАБО-ИСПАНСКОЙ ПОЭЗИИ²

Появление мувашшаха³ и его разновидности заджала в мусульманской Испании связывают с именем слепого поэта Мукаддама ибн Муафы из Кабры (пров. Кордовы) [Menéndez Pidal 1973: 19]. Об этом сообщают нам два мусульманских писателя: Ибн Бассам из Португалии и Ибн Халдун⁴ [Menéndez Pidal 1973: 19]. По свидетельству Ибн Бассама: «Первый, кто установил размеры этих мувашшахов в нашей стране и установил их систему, был, насколько мне известно, Мукаддам ибн Му'афа аль-Кабри, слепой. Он сочинял их по полустихиям (а не по стихам, как в классической поэзии), но преимущественно в забытых, неупотребительных размерах, пользуясь словами народными и романскими. Называл он это “припев” и на нем строил мувашшах» [Крачковский 1956: 512]. Далее из этого сообщения следует, что Мукаддам жил во времена правления кордовских эмиров 'Абдаллаха (888–912) и Абд ар-Рахмана III, т. е. в конце IX в. – в первой четверти X в. [Menéndez Pidal 1973: 19]:

¹ В транскрипции Эмилио Гарсиа Гомеса [García Gómez 1965: 165].

² В арабской поэзии существует 16 форм [Крачковский 1956: 473–475].

³ Испано-арабский мувашшах отличается от классической арабской поэзии, написанной в форме касиды и принесенной в Аль-Андалус вместе с арабской культурой. Можно выделить три основные отличия [García Gómez 1965: 78–79]:

Отличия мувашшаха от классической арабской поэзии	
Касида	Мувашшах
1) монорифма; какой бы протяженности ни была касида, она рифмуется по полубейтам. Средний бейт состоит из 24–28 слогов;	1) несколько рифм;
2) не делится на строфы;	2) разделение на строфы (обычно от 5 до 7);
3) восходит к доисламской поэзии.	3) наличие харджи (двустихия) на романском в конце, часто заимствованном из популярной песни на романском.

⁴ Ибн Бассам аль-Шантарини (1058–1147) – арабский поэт и историк из Аль-Андалуса, родом из Сантарема (уроженец Шантарена в Португалии); в 1109 г. в г. Севилье он составил биографии отдельных испано-арабских поэтов и писателей. Ибн Хальдун (1332–1406) – философ истории и историк культуры, родом из Туниса [Menéndez Pidal 1973: 19].

Сообщение Ибн Бассама¹

<p>قال ابو الحسن وكان هذا ابو بكر عبادة بن ماء السماء مى ذلك العصر الدولة العامرية والحمودية شيخ الصناعة وامام الجماعة سلك الى الشعر مسلكا سهلا ففالت له غرانبه مرحبا واهلا وكانن صنحة التوشيح التى نهج اهل الاندلس طرفتها ووضعوا حفيفتها غير مرفومة البرود ولا منظومة العفود فافام عبادة هذا منادها ومرسلها ومتادها فكانما لم تسمع بالاندلس الا منه ولا اخذت الا عنه واشتهر بها اشتهارا غلب على ذاته وذهب بكتير من حسناته وهى اوزان كثير استحمال اهل الاندلس لها فى الغزل والنسيب تشفى على سماعها مصونات الجيوب بل الفلوب واول من صنع اوزان هذه الموشحات بافنا واخترع طرفتها فيما بلغنمقدم بن معافى الفبرى الضرير وكان يصنعها على اشطار الاشعار غير ان اكثرها على الاعاريز المهلة غير المستعملة ياخذ اللبظ امى والعجمى فيسميه المركز ويضع عليه الموشحة دون تضمين فيها ولا اغصان وفيل ان ابن عبد ريه صاحب كتاب العفد اول من سبق الى هذا النوع من الموشحات ثم نشا يوسف بن هارون الرمادى فكان اون اول من اكثر فيها من التضمين فى المراكيز يضمن كل موقف يفب عليه فى المركز خاصة فاستمر ذلك شعراء عصره كمكرم بن سعيد وابنى ابى الحسن ثم نشا عبادة هذا فاحدث الضبير وذلك انه عتمد مواضع الوفب فى الاغصان فيضمها كما اعتمد الرمادى مواضع الوفب فى المركز واوزان هذه الموشحات خارجة عن غرض كتابنا هذا اذا اكثرها على غير اعاريز اشعار العرب</p>	<p>Первый, кто сочинял стихи, [подобные] мувашшахам, в нашей стране [в Андалусии] и изобрел этот жанр, был Мукаддам ибн Муафа из Кабры, [по прозвищу] Слепец; который сочинял их [мувашшахи], используя короткие стихи (подобные полустушиям в арабской метрике). Но большая часть этих сочинений он составлял в небрежной метрике, без тщательного искусства, и используя манеру говорить необразованного народа [на арабском] и романский язык. Эти просторечные фразы [на арабском] или [фразы] на романском он называл марказ². Из таких коротких стихов [не разделенных на полустушия] он составлял мувашшах, не прибегая к соединению и связи рифм, и без того, чтобы эти стихи были бы действительно органичными элементами в строфе в совокупности.</p>
<p>[Ribera 1915: 10–11]</p>	

Строфа, изобретенная Мукаддамом, содержала марказ (араб. *markaz* – точка опоры, припев) – он же харджа – и была написана на романском с использованием слов из разговорного арабского (андалусского диалекта арабского языка). В начале выбирается харджа (из существующих народных песен либо заимствуется из другого мувашшаха) или сочиняется новая, на основании которой пишется стихотворение. На основе марказа Мукаддам сочинял строфы [Menéndez Pidal 1973: 20]. Встречаются как харджи, написанные на романском с использованием одного-двух слов на арабском, так и харджи, написанные на разговорном арабском с использованием одного-двух слов на романском³.

¹ Здесь мы приводим текст в магрибинском начертании, которое отличается от принятого на востоке: кроме прочего, *kāf* (ق) пишется с одной точкой наверху (ف), а фа⁷ (ف) с одной точкой внизу (ف). Буква йа⁷ (ي) встречается без двух точек, что делает ее схожей с алифом максурой (ى) [Юшманов, 1985: 30; Menéndez Pidal, 1902: 2].

² (араб.) *markaz* – точка опоры, припев.

³ С подробным описанием структуры мувашшахов и заджалей можно ознакомиться в работах И.Ю. Крачковского «Арабская поэзия в Испании» и А.Б. Куделина «Арабо-испанская строфика» [Крачковский 1956; Куделин 2003].

СТРУКТУРА МУВАШШАХА

Схеме рифмы в мувашшахе можно записать так: aa , $bbba^1a^1$, $ccca^2a^2$, $ddda^3a^3$, ... $zzza^xa^x$, где aa – зачин и припев (на арабском); a^1 , a^2 , a^3 , ... – четвертая строка куплета, рифмующаяся к зачину-припеву; a^x – харджа, т.е. четвертая строка последнего куплета (на романском), рифмующаяся к зачину-припеву, иначе говоря, последняя строка песни. Приведем пример классического мувашшаха (Ms. Heger 26) поэта Абу ль Аббаса аль-Ама ат-Тутили по прозвищу «Слепец из Туделы» (ум. 1126 г.) [García Gómez 1965: 78–79].

Структура рифмы мувашшаха (Heger, № 26) (Ms. Colin, p. 68, № 102) Абу ль Аббаса аль-Ама ат-Тутили		
Запев		
Wa-lailin taraqnā daira jammāri, fa-min baina ḥurrāsīn wa-summāri.	a a	(араб.) Con los nocherniegos * y los guardianes a un figón cristiano * vine a llegarme.
1 Строфа		
Fa-ʿatat la-nā l-jamru bi-ta ʿyīli. Wa-qāmat bi-tarḥībin wa-tabḥīli, wa-qad aqṣamat bi-mā fī l-inḥīli:	b b b	(араб.) Rápida una moza * nos trajo el vino cortés musitando: * “Sed bienvenidos”. Por el Evangelio: * juró y nos dijo:
“Mā labbastu-hā ṭawban siwā l-qāri, wa-mā ʿurīdat yauman ʿalā n-nāri”.	a ¹ a ¹	(араб.) “Nunca lo he vestido * sino de lacre, y del fuego nunca * sufrió el embate”.
2 Строфа		
Fa-qultu la-hā: “;Yā ʿamlaḥa n-nāsi! fa-ḥma ʿinda-kum fī š-šarbi bi-l-kaʿsi?” Qālat: “Mā ʿalai-nā fī-hi min baʿsi:	c c c	(араб.) “Tabernera amable * – dije a la hermosa –, ¿entra en vuestros usos * beber en copa?” “Mal no veo en ello * – me dijo –. Es cosa
kaḏā qad rawaina-hu fī l-ajbāri ʿan ḡumlati rubbānin wa ʿaḥḥāri”.	a ² a ²	(араб.) que por tradiciones * muy venerables hicieron preladados * y sabios graves.
3 Строфа		
Uqirru la-kum, yā qaumiya l-amḡad, annī mustahāmun fī hawā ʿAḥmad. La-hu muqalun taqtulu-nī bi-š-ṣad[d].	d d d	(араб.) Bien debo deciros, * gentes honradas, que he perdido el juicio * por ese Aḥmad, quien con su desvío * de amor me mata.
Katamtu l-hawā sirran bi-miḏmāri, lākinna damʿī bāḥat bi-ʿasrāri.	a ³ a ³	(араб.) Guardo este secreto * con mil afanes, pero cuando lloro * fuera me sale.
4 Строфа		
Bāhat admuʿu l-ʿāšiqi bi-l-ʿišqi fī man wayḥu-hu ka-l-badri fī l-ufqi. La-hu muqalun taftiku fī l-jalqi,	e e e	(араб.) Que al secreto faltan * llantos de quienes amor a esa cara * de luna tienen, cuyos ojos matan * a tanta gente.
fa-ḥkam qatalat min asadin ḏāri, wa-mā li-qatīli l-ḥubbi min ṭaʿri!	a ⁴ a ⁴	(араб.) ;Cuánto león fiero * mató implacable, sin que en amor haya * deuda de sangre!
5 Строфа		
Wa-rubba fatātin futinat fī-hi, yuʿallilu-hā bi-š-ṣaddi wa-t-tīhi, fa-qad anšadat, wa-hiya taʿnī-hi:	f f f	(араб.) Por él como loca, * la doncellita, que sufre desdenes * y altanerías, cántale y le dice * su cancioncilla:
Харджа (араб. jarḡa)		
AMĀN ^U AMĀN ^U YĀ L-MALĪḤ GʿR BRKY TW [MY] QRŠ YĀ-LLĀH MTʿR	a ^x a ^x	(исп.) ¡AMĀNU, AMĀNU! * YĀ L-MALĪḤ, GĀRE: ¿BORKÉ TŪ [MĒ] QÉREŠ, * YĀ-LLĀH, MATĀRE?

Запев исполняет солистка (aa), она же исполняет первый куплет (bbb), четвертая строка которого (симт)¹ (a¹a¹) – знак вступления для хора. Хор исполняет припев (aa). Солистка исполняет второй куплет (sss) и симт (a²a²), хор – припев (aa) и т. д. Когда солистка исполняет вместо симта харджу (араб. *jaryā*) (a^xa^x) – это знак для хора, что пение окончено² [García Gómez 1965: 78–79].

Отличительная черта мувашшахов – в том, что их авторы использовали для харджей строки из популярных на тот момент романских песен. Сетования влюбленных дев в харджах (2–4 строки)³ считаются предшественниками галисийско-португальских кантиг о милом друге и кастильских вильянсико⁴ [Martín Baños 2006: 10].

ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ ХАРДЖЕЙ

В 1948 г. гебраист Самюэль Миклош Штерн и чуть позже арабист Эмилио Гарсиа Гомес расшифровали харджи в еврейских и арабских поэмах XI–XIII вв.: «Так обнаружались древнейшие, древнее эпических поэм, следы испанской и вообще романской лирики»⁵ [Гелескул 1987: 17]. Э. Гарсиа Гомес напечатал в журнале «Аль-Андалус» статью С. М. Штерна⁶. В этой статье С.М. Штерн опубликовал 20 харджей на романском из еврейских мувашшахов (созданных по модели арабских). Позднее Э. Гарсиа Гомес опубликовал 24 харджи на романском из арабских мувашшахов⁷ (Ms. Colin, ‘*Uddat al-ŷalīs de Ben Busrā*’, XIV). В 1965 г. Э. Гарсиа Гомес опубликовал романские харджи в книге «*Las jarchas romances de la serie árabe en su marco*», переизданную в 1975 и в 1990 г. [García Gómez 1965].

В общей сложности известно 68 харджей на иберороманском: 42 из арабских мувашшахов, 26 – из еврейских. При этом шесть харджей из арабской серии повторяются в других мувашшахах без изменений, две – с изменениями, а пять встречаются как в арабских, так и в еврейских мувашшахах [Martín Baños 2006: 15–16]. Первые упоминания мувашшахов восходят к X в. Однако самый ранний мувашшах, дошедший до наших дней, был записан в нач. XI в. (до 1042 г.). Большая часть сохранившихся мувашшахов относится к концу XI – XII в., три были

¹ Подробнее арабскую терминологию мувашшаха см. [Плахова 2000].

² По отдельным намекам Ибн Кузмана в заджальях Х. Рибере удалось установить, как они исполнялись. В Аль-Андалусе заджаль исполнялся солисткой и хором (слушателей): солистка исполняла первый припев (запев), потом куплет; последняя строка куплета, рифмующаяся с припевом, была знаком вступления для хора (слушателей). Хор исполнял припев. Заджаль исполнялся под аккомпанемент лютни, флейта, барабана (тамбурина), мавританского бубна или кастаньет [Menéndez Pidal 1973: 20–21].

³ Признания, мольбы или жалобы влюбленной необычны для арабской лирики, но характерны для галисийской [Гелескул 1987: 575–576].

⁴ Исп. сельская, деревенская песня.

⁵ До этого самыми ранними памятниками романской лирической поэзии считались произведения провансальской литературы, датируемые началом XII в., представленные творчеством провансальского трубадура Гильома де Пуатье (окс. *Guilhem de Peitieu*) (1071–1127). Испанские харджи оказались старше на сто (и даже двести) лет. При этом ряд ученых, в том числе М.Х. Рубьера Мата, полагают, что некоторые харджи написаны не на мосарабском, а на провансальском и на галисийско-португальском. Отдельные слова на этих языках, встречающиеся в харджах, были отмечены еще Р. Лапесой и Э. Гарсиа Гомесом [Martín Baños 2006: 10, 19].

⁶ Stern S.M. «Les vers finaux en espagnol dans les muwassahs hispanohebraïques»; опубликована Э. Гарсиа Гомесом в журнале «Аль-Андалус» (Al-Andalus. 1948. Vol. XIII. P. 299–346). Он же опубликовал в другой статье арабский мувашшах: Stern S.M. «Muwassah arabe ave terminaison espagnole» (Al-Andalus. 1949. Vol. XIV. P. 214–218).

⁷ García Gómez E. «Veinticuatro jaryas romances en muwassahas árabes (ms. G.S. Colin)» (Al-Andalus. 1952. Vol. XVII. P. 57–128).

⁸ Позже были обнаружены тунисские рукописи *Ŷaiš at-tawšīh de Ben al-Jatib* (XIV в., Мечеть аз-Зайтуна, Тунис), *Muḥammad al-Nifār* (Национальная библиотека Туниса), *Ḥasan Ḥusnī ‘Abd al-Wahhāb* (Национальная библиотека Туниса) [García Gómez 1991: 17].

созданы во времена Альфонса X, один – в XIV в. [Lapesa 1981: 193–194]. Как авторы мувашшахов в аль-Андалусе прославились поэты Убадат аль-Каззас (XI в.), Абу Абдаллах Ирфа Расах (XI в.), Ибра-хим ибн Сахль аль-Исраили (1208–1251), Лисан ад-дин ибн аль-Хатиб (1313–1374) и др. [Фильштинский 1967; Крачковский 1956: 260]. Среди авторов еврейских мувашшахов известны Моше бен Эзра (Mošé ben Ezra) (ок. 1060 – ок. 1140), Йегуда Халеви (Yehudá Haleví) (рож. ок. 1075 г.), Абрам бен Эзра (Abraham ben Ezra) (ок. 1092 – 1167?) [Lapesa 1981: 193–194].

Харджи необязательно написаны на романском, весьма распространены харджи на арабском разговорном языке, контрастировавшим с классическим арабским мувашшаха. Считается, что романские харджи составляют только 14% от числа известных хардж [Martín Baños 2006: 13].

ОСОБЕННОСТИ РОМАНСКОГО ЯЗЫКА МУВАШШАХОВ

Романский язык харджей насыщен арабизмами: часто встречается слова *habibi* (араб. мой друг); словами из мосарабского диалекта: *filyolu* (исп. *hijuelo*), *alyenu*, *yermanelas*, *corachón*, *welyos / olyos* (исп. *ojos*); и архаизмами: *mibi / mib* (исп. *mi*), формы будущего времени *farayo*, *morrayo*, в которых сохраняется *-o* от *habeo*, *garir* (исп. *decir*) (< *garrire*), *yana* (исп. *puerta*) (< *janua*) и др. [Lapesa 1981: 194]. Ф. Алаторре отметил, что в харджах обычно используется арабское слово *habibi* (араб. мой друг), и романские слова *amar* (исп. любить), *besar* (исп. целовать), *corazón* (исп. сердце), *boca* (исп. уста), *cuello blanco* (исп. белая шея) и др. [Frenk Alatorre 1975: 113–114].

Кроме того, в харджах встречается использование романского уменьшительного суффикса *-llo (-lla)* не только в романских словах, но и в арабских. Так, в следующей хардже этот суффикс встречается как в слове с латинским корнем *boca* (исп. уста), так и в арабских словах *sagra* (араб. красивый), *hamra* (араб. алый), *yumma* (араб. шевелюра)¹:

Харджа с использованием романского суффикса -llo в арабских словах	
Mamma ay habibi so la yumella saqrella el collo alba e la boquella hamrella	(исп.-араб.) Мама, ах, каков милый друг! Под красивой шевелюрой белая шея и алые уста .

В харджах встречается не только характерное использование арабского артикля *al-* с испанскими словами, но и, наоборот, испанский определенный артикль *el* употребляется в арабских словах, например, с арабским словом *habibi* (араб. милый друг): *Sin el habib non bibireyo* (араб.-исп. *Без милого друга я не смогу жить*).

В отличие от мувашшаха в заджале романские слова используются не в последних строках произведения, а встречаются по всему тексту.

СТРУКТУРА ЗАДЖАЛЯ

Главное новшество заджалья – использование разговорного арабского языка (его андалусского диалекта), а не классического арабского (исламской «латыни»), общего для всего халифата (как в мувашшахе)² [Крачковский 1956: 261; Гелескул 1987:

¹ О романском влиянии на использование уменьшительных слов в поэзии Ибн Кузмана см. [Abu-Haidar 1989].

² Историческая роль мувашшаха и заджалья «была различна: если мувашшах несколько утвердился и на востоке, то заджаль там не привился, несмотря на отдельных талантливых его представителей. По языку он определенно обращался к народной среде, быть может, вышел из нее и уже поэтому не мог создать прочного положения в глазах книжников – литераторов, какими по преимуществу являлись арабские поэты» [Крачковский 1956: 261].

574]: «Контраст между утонченностью литературного языка и грубой свежестью народного, видимо, и составлял особую <...> прелесть мувашшаха; говоря упрощенно, изысканная поэма, хвалебная или любовная, кончалась частушкой» [Гелескул 1987: 575]. Считается, что одна из функций харджи состояла в указании метра, так как мувашшах, не соответствовал ни одному из 16 известных арабских. В заджале эту функцию выполнял зачин (араб. *матла* ') [Куделин 2003: 274]. Возможно, переход с классического арабского в мувашшахе к разговорному арабскому (его андалусскому диалекту) в заджале и обусловил устранение харджи, выполнявшего, по всей видимости, скорее стилистическую функцию.

Структуру рифмы заджалея (араб.-исп. *голос, мелодия, песня*) можно представить такой схемой: *aa, bbba¹, ccca², ddda³* ... Структура заджалея была воспроизведена Лопе-де-Вега в пьесе Крестьянин в своем углу (исп. *El villano en su rincón*). Структура мувашшаха была воспроизведена Хуаном Руисом в «Книге о благой любви» (исп. *Libro de buen amor*) в Хвале Деве Марии (исп. *Gosos de Santa María*)¹:

Рифма в мувашшахе (Хуан Руис)		Рифма в заджале (Лопе-де-Вега)
Запев		
¡O María, luz del día! Tú me guía todavía	a a	¡Ay, Fortuna, cógeme esta aceituna!
1 Строфа		
Dame gracia e bendición, de Jhesú consolación, que pueda con devoción cantar de tu alegría.	b b b a ¹	Aceituna lisonjera, verde y tierna por de fuera, y por de dentro madera, fruta dura e importuna.
Припев		
	a a	¡Ay, Fortuna, cógeme esta aceituna!
2 Строфа		
El primer gozo que s'lea En cibdad de Galilea Nazaret creo que sea, oviste mensajería	c c c a ²	Fruta en madurar tan larga que sin aderezo amarga; y aunque se coja una carga, se ha de comer sola una.
Припев		
	a a	¡Ay, Fortuna, cógeme esta aceituna!
...		
12 Строфа		
Reinas con tu fijo quisto, Nuestro Señor Jhesucristo: por ti sea de nos visto	x x x	
Харджа		
en la gloria sin fallía.	a ³	

Таким образом, структура заджалея сближается со структурой мувашшаха, за исключением харджи, отсутствующей в заджале [Martín Baños 2006: 14]:

¹ Текст приводится по: www.cervantesvirtual.com/obra-visor/el-libro-de-buen-amor--0/html/ff0ec418-82b1-11df-acc7-002185ce6064_27.html#I_9_ (дата обращения: 04.12.2021).

Рифма в мувашшахе:	aa	bbba1a1	ccca2a2	ddda3a3	zzzaxax
Рифма в заджале:	aa	bbba1	ccca2	ddda3...	zzzaz

ОБРАЗНЫЙ РЯД ЗАДЖАЛЕЙ ИБН КУЗМАНА

До сих пор известен только один крупный представитель заджала – «мусульманский трубадур» Ибн Кузман (ок. 1080-1160) [Крачковский 1956: 261; Фролова 1984: 4]. Основной источник для изучения творчества Ибн Кузмана (а также и его биографии) – диван¹ (собрание стихов) из Института восточных рукописей Российской Академии Наук. Это уникальная единственная в мире рукопись сохранилась не совсем полной [Крачковский 1956: 514]. В рукописи сохранилось 149 заджалей Ибн Кузмана, среди которых встречаются заджали с харджами, наподобие мувашшахов. Уникальная рукопись XIII в., диван Ибн Кузмана, хранится в Рукописном фонде ИВРАН [Халидов 1986: 12]. И.Ю. Крачковский часто обращался к ленинградским коллекциям магрибинских рукописей, консультируя испанских арабистов [Крачковский 1955: 103].

Если в мувашшахе харджа на романском (или на разговорном арабском), использовалась с целью произвести впечатление на слушателя неожиданным переходом от классического языка к языку разговорному, то в заджалях Ибн Кузмана сами темы зачастую носят провокационный характер. Как отмечает И. Ю. Крачковский, в темах стихов Ибн Кузмана «нет ничего староарабского: нет верблюдов, нет путешествий через пустыни, нет ссылок на историю, нет кочевой жизни бедуинов, нет стоянок, покинутых племенем. Мало в них связи и с исламом. Если изредка и упоминается мусульманская религия, то лишь для того, чтобы отпустить по адресу ее какое-нибудь легкомысленное замечание или посмеяться над законоведами и святошами. Если упоминается рамадан и пост, то лишь для того, чтобы поиздеваться над теми, кто постится... Только в немногих заджалях отношение к религиозному, воодушевлению серьезнее, но лишь как к движению мести, направленной против христиан Севера»² [Крачковский 1956: 515]. Так начинается одну из своих песен Ибн Кузман:

¹ Рукопись дивана Ибн Кузмана была обнаружена В.Р. Розеном в Санкт-Петербурге в 1881 г. [Corriente 1984: 10].

² Похожие настроения можно найти в стихах Аль-Ахтала. «Столь же обстоятельно описывает аль-Ахталь такие свойства вина, которые оказывают на бражника не только... эстетическое, но и чисто физиологическое воздействие» [Крачковский 1956: 428]. Про дерзость этого ценителя вина можно судить из случая, приведенного И.Ю. Крачковским: «Халиф предложил аль-Ахталю, христианину («другу молодости Иоанна Дамаскина». – *О.Т.*), принять ислам, а он, не то из озорства, не то под влиянием винных паров, ответил ему энергичным экспромтом:

Стихи Аль-Ахтала

و لستُ بصائمٍ رَمَضانَ طوعاً * و لستُ بأكلٍ لَحْمِ الأَضاجِ
و لستُ بقائمٍ أبداً أناذِي * كمثلِ العَبْرِ حَيَّ على الفلاحِ
و لكُنِي سائِرُها شمولا * و أسجُدُ عند مُنبِجِ الصَّباحِ

[Гиргас, Розен, 1875]

Не стану я поститься в рамадан добровольно, не стану я есть мяса жертвенных животных.

Не стану я никогда подниматься, взывая как осел: «Спешите на молитву».

Нет, буду я пить вино прохладным и падать ниц на рассвете зари.

[Крачковский 1955: 132–133]

«И это издевательство не только над мусульманским запретом вина, но и над обрядами поста, *хаджжа* и *азана* прошло поэту безнаказанно. Разгневанный халиф удовлетворился двумя другими, не менее озорными стихами, в которых поэт живо обрисовал настроение, овладевающее им под влиянием вина. Эти строки дали мне для понимания внутренних отношений в халифате едва ли не больше, чем некоторые страницы не раз перечитанной “Истории ислама” А. Мюллера» [Крачковский 1955: 132–133].

Веселые пьяницы! Если вы раскаялись, ступайте с Аллахом.
 Но только посмотрите, как даже цветы зовут к пирушке.
 [Крачковский 1956: 515]

За легкомысленное отношение к религии Ибн Кузмани не удалось избежать тюрьмы [Крачковский 1956: 514]. В правление аль-Мансура¹ религиозная политика стала более жесткой: «Видный исторический деятель, едва ли не крупнейший политик кордовского халифата, ал-Мансур покровительствовал литераторам, хотя в угоду реакционным кругам иногда и преследовал философию и науку, собственноручно сжигая книги на костре» [Крачковский 1956: 488]. Дерзкие стихи Ибн Кузмани в некоторой степени выражают реакцию на политику властей [Corriente 1984: 20–21].

РОМАНСИЗМЫ В ДИВАНЕ ИБН КУЗМАНА

В стихах Ибн Кузмани романсизмы встречаются в заджальях повсеместно, а также в харджах в заджальях, созданных по модели мувашшаха:

Ибн Кузман Заджаль №10 (10:2)	
На анд. араб. с использованием романских слов	Перевод
Ye muterneni, Salvalo , Tu-n hazín, tu-n penalo , Tara-alyum guslalo : Lam tadóc fih gair locaima.	О, мой неверный Сальвадор , Ты так грустен, ты так печален, Ты сегодня не в духе : Ты не ел ничего кроме крохотного кусочка.
[Ribera 1912: 24]	

По мнению Ф. Коррьенте Ибн Кузман использует следующие романские слова и фразы: *todo bien creo* (5:7:2), *chiflado* (10:2:1), *¿qué quieres?* (11:9:2), *putillas*² (12:3:4), *uno* (13:14:1), *don te cedo* (19:13:3), *habedlo* (19:13:4), *yo amortajado* (20:6:2), *noche* (20:6:3), *sudario* (20:6:4), *paladar* (20:10:4), *he velado* (20:16:4), *faz redonda* (21:6:1), *no tienes igual* (22:9:4), *cabal* (46:3:3), *manjar* (53:7:4), *dos* (59:11:3), *venia* (76:2:1), *roto* (83:12:2), *puntadas* (83:12:3), *vino, vino* (90:1:3), *provisto* (94:29:2), *dos* (96:12:1), *como rayo de sol* (99:11:4), *vivo* (102:5:2), *jīd* (анд. исп. *bueno*) (104:3:4)³. Встречаются целые стихи и двустишия (жирным шрифтом выделены арабские слова во фразе на романском): *lo ha dejado despojado un campeón de cuidado* (7:1:3); *pues es felicidad la afabilidad del amante* (9:42:2); *tan triste, tan penado* (10:2:2); *Ea, la Luna a quedarme me obliga* (20:16:2); *También mi Fulano tiene mejillas de sol* (49:5:2); *Otra alba hay de luz en un mismo día* (82:10:1).

¹ Отношение к хаджибу Ибн абу Амир аль-Мансуру (Альмансор в христианских летописях), блестящему мусульманскому полководцу, хорошо выражено в лаконичной заметке христианской *Chronicon Buergense*: «В 1002 году умер Альмансор: он был похоронен в аду». При этом мусульмане в эпитафии прославляли талантливого полководца [Крачковский 1956: 488]:

Следы его расскажут тебе повесть про него, так что ты как будто бы воочию его увидишь.

Аллахом клянусь, никогда время не придет с ему подобным и никто так, как он, не защитит границ.

² Слово *putilla* дано на арабском с испанским показателем мн. ч. -s, что долгое время затрудняло прочтение этого слова [Corriente Córdoba 1984: 316].

³ По мнению Э. Гарсиа Гомеса, в некоторых случаях Ибн Кузман переводит на арабский либо поясняет в стихах романские слова: *bīno* (=vino) (148:5:1), *dwn hyd* (=toma esto) (19:13:2–3), *anda bašīño*(=anda abastecido) (94:29:2), *br b'ns* (=ven, verás) (87:24:3), *fulluš... ġalġal* (=pollo... gálbus) (23:5:3–4), *Ruđmīr... sfriyy u' brwn* (=separaré, oh hombre) (86:9:2/4); *'šb 'yđ* (=esvaído) (7:1:3), *masqūl* (=masculus) (13:8:4), *ben usṭu* (=bien quemado) (18:2:4), *quṣṭu* (=costa) (87:1:2) и некоторые другие [García Gómez 1968].

Дважды Ибн Кузман использует стихи в конце заджала: *sabes bien lo que busco, no te tengo que explicar; // aunque todo bien me niegues, vístame, no me dejes* (75:9:3–4); *Madre, mi amor del todo es este mozo, el pillo de 'Alī* (76:7:4) [Corriente Córdoba 1984]. В целом, романские слова и фразы встречаются в 25 из 149 заджалей Ибн Кузмана. Часто эти слова встречаются в конце строки и используются для создания рифмы. Это отмечает и Э. Гарсиа Гомес [Corriente Córdoba 1968: 65].

ВЫВОДЫ

В мувашшахах слова на романском встречаются в последнем двустиишии, называемом харджей, и выполняют структурообразующую функцию. В заджалах (развившихся из мувашшаха), романсизмы встречаются по всему тексту и выполняют стилистическую функцию. Многие романские слова, которые использует Ибн Кузман в заджалах, встречаются и в харчах в мувашшахах. И в харджах, и в заджалах Ибн Кузмана наблюдаются заимствования не только на лексическом, но и на морфо-синтаксическом уровне.

ЛИТЕРАТУРА

Арабские рукописи Института востоковедения: краткий каталог: [В 2 ч.] / АН СССР, Институт востоковедения; [сост. С.М. Бациева и др.]; под ред. [и с предисл. А.Б. Халидова. Ч. 1: [Каталог]. М.: Наука, 1986. 526, [1] с.

Гелескул А.М., Малиновская Н.Р. Jarchas // Испанская народная поэзия (Cancionero popular español): Сб. / Сост. Н.Р. Малиновская и А.М. Гелескул. М.: Радуга, 1987. С. 573–581.

Гиргас В.Ф., Розен В. Арабская хрестоматия для 1-го курса. Вып. 1. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1875. 110 с.

Крачковский И.Ю. Аль-Андалус и Ленинград (1905–1942). Над арабскими рукописями: листки воспоминаний о книгах и людях // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения: В 6 т. Т. 1. М.; Л.: АН СССР, 1955. С. 11–148.

Крачковский И.Ю. Арабская поэзия в Испании (1940) // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения: В 6 т. Т. 2. М.; Л.: АН СССР, 1956. С. 470–523.

Куделин А.Б. Арабо-испанская строфика как «смешанная поэтическая система» (гипотеза Х. Риберы в свете последних открытий) // Арабская литература: поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи. М.: Языки славянской культуры (ЯСК), 2003. С. 255–292.

Плахова А.Ю. Мувашшахат: проблемы лада: Дисс. ... канд. искусствоведения. Новосибирск, 2000. 294 с.

Фильштинский И.М. Мувашшах // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1967: feb-web.ru/ (дата обращения: 04.12.2021).

Фролова О.Б. Поэтическая лексика арабской лирики. Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1984. 174 с.

Abu-Haidar J.A. The Diminutives in the «dīwān» of Ibn Quzmān: A Product of Their Hispanic Milieu? // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. Vol. 52. №2(1989). P. 239–254.

Corriente Córdoba F. El cancionero hispanoárabe. Madrid: Editora Nacional, 1984. 363 p.

DLE. Diccionario de la Lengua Española. Real Academia Española: dle.rae.es/ (дата обращения: 04.12.2021).

Frenk Alatorre M. Las jarchas mozárabes y los comienzos de la lírica románica. М.: Colegio de México, 1975. 196 p.

García Gómez E. «Romancismos» de Ibn Quzmān explicados por el poeta // Studia Islamica. ca. 1968. №28. P. 63–77.

García Gómez E. El escándalo de las jarchas en Oxford // Boletín de la Real Academia de la Historia. 1991. Vol. 188. № 1. P. 1–104.

García Gómez E. Las jarchas romances de la serie árabe en su marco. Madrid: Sociedad de Estudios y Publicaciones, 1965. 431 p.

Martín Baños P. El enigma de las jarchas // Per Abbat: boletín filológico de actualización académica y didáctica. 2006. № 1. P. 9–34.

Menéndez Pidal R. Poesía árabe y poesía europea. Madrid: Espasa-Calpe, 1973. 209 p.

Ribera J. El Cancionero de Abencuzmán (Discurso leído ante la Real Academia Española en la recepción pública del Sr. D. Julián Ribera y Tarragó el día 26 de mayo de 1912). Madrid: E. Maestre, 1912. 96 p.

Ribera J. Huellas, que aparecen en los primitivos historiadores musulmanes de la Península, de una poesía épica romanceada que debió florecer en Andalucía en los siglos IX y X (Discurso de entrada en la Real Academia Española del Sr. D. Julián Ribera y Tarragó el día 6 de junio de 1915). Madrid, 1915. P. 5–64.

REFERENCES

Arabic Manuscripts of the Institute of Oriental Studies: brief catalog: [In 2 parts] / USSR Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies; [Compiled by S.M. Batsiev et al.]; Edited and with foreword by A.B. Khalidov. Part. 1: [Catalog]. Moscow. Nauka Publ. 1986. 526, [1] p.

Geleskul A.M., Malinovskaya N.R.P. Jarchas. In: Spanish Folk Poetry (Cancionero popular español): Collection / Compiled by N.R. Malinovskaya and A.M. Geleskul. Moscow. Raduga Publ. 1987, pp. 573–581.

Girgas V.F., Rozen V. (1875) Araber Chrestomathy for the 1st course. Issue 1. St. Petersburg. Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 110 p.

Krachkovsky I.Yu. Al-Andalus and Leningrad (1905–1942). With Arabic Manuscripts: The Pages of Memoirs on Books and People. In: Krachkovsky I.Yu. Selected works: In 6 vols. Vol. 1. Moscow; Leningrad. USSR Academy of Sciences Press. 1955, pp. 11–148.

Krachkovsky I.Yu. Arabic Poetry in Spain (1940). In: Krachkovsky I.Yu. Selected Works: In 6 vols. Vol. 2. Moscow; Leningrad. USSR Academy of Sciences Press. 1957, pp. 470–523.

Kudelin A.B. Arabic-Spanish Strophics as a “mixed poetic system” (the hypothesis of X. Ribera in the light of recent discoveries). In: Arabic Literature: Poetics, Stylistics, Typology, Interconnections. Moscow. Yazyki Slavyanskoy Kultury. 2003, pp. 255–292.

Plakhova A.Yu. (2000) Muvashshahat: Problems of Harmony: Thesis. Novosibirsk. 294 p.

Filshtinsky I.M. Muwashshah. In: Short Literary Encyclopedia: In 9 vol. Vol. 4. Moscow. Sovetskaya Encyclopedia. 1967: feb-web.ru/ (date accessed: 04.12.2021).

Frolova O.B. (1984) Poetic Vocabulary of Arabic Lyrics. Leningrad. Leningrad University Press. 174 p.

Abu-Haidar J.A. The Diminutives in the “dīwān” of Ibn Quzmān: A Product of Their Hispanic Milieu? *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*. 1989. Vol. 52. No 2, pp. 239–254.

Corriente Córdoba F. (1984) El cancionero hispanoárabe. Madrid: Editora Nacional, 1984. 363 p.

DLE. Diccionario de la Lengua Española. Real Academia Española: dle.rae.es/ (date accessed: 04.12.2021).

Frenk Alatorre M. (1975) Las jarchas mozárabes y los comienzos de la lírica románica. México. Colegio de México. 196 p.

García Gómez E. “Romancismos” de Ibn Quzmān explicados por el poeta. *Studia Islamica*. 1968. No 28, pp. 63–77.

García Gómez E. El escándalo de las jarchas en Oxford. *Boletín de la Real Academia de la Historia*. 1991. Vol. 188. No 1, pp. 1–104.

García Gómez E. (1965) Las jarchas romances de la serie árabe en su marco. Madrid. Sociedad de Estudios y Publicaciones, 1965. 431 p.

Martín Baños P. El enigma de las jarchas. *Per Abbat: boletín filológico de actualización académica y didáctica*. 2006. No 1, pp. 9–34.

Menéndez Pidal R. (1973) Poesía árabe y poesía europea. Madrid. Espasa-Calpe. 209 p.

Ribera J. (1912) El Cancionero de Abencuzmán (Discurso leído ante la Real Academia Española en la recepción pública del Sr. D. Julián Ribera y Tarragó el día 26 de mayo de 1912). Madrid: E. Maestre. 96 p.

Ribera J. (1915) Huellas, que aparecen en los primitivos historiadores musulmanes de la Península, de una poesía épica romanceada que debió florecer en Andalucía en los siglos IX y X (Discurso de entrada en la Real Academia Española del Sr. D. Julián Ribera y Tarragó el día 6 de junio de 1915). Madrid, pp. 5–64.

Сведения об авторе:

Оксана Викторовна Тихонова,
канд. филол. наук
ассистент кафедры романской филологии
филологический факультет
Санкт-Петербургский государственный
университет

Oksana V. Tikhonova,
PhD
Assistant at the Department of Romance
Philology
Faculty of Philology
St. Petersburg State University

pajaro@mail.ru